

18+

АНАТОЛИЙ СУКОНЩИКОВ

**ЛИХИЕ
ДЕВЯНОСТЫЕ
В ШЕКСНЕ**

Анатолий Суконщиков

Лихие девяностые в Шексне

«Издательские решения»

Суконщиков А.

Лихие девяностые в Шексне / А. Суконщиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510874-6

В книге рассказано о жизни простых людей, которые окружали автора в 90-е годы 20 столетия. И пусть будут светлой памятью, упомянутые здесь имена и фамилии как для живущих, так и для ушедших в мир иной.

ISBN 978-5-00-510874-6

© Суконщиков А.
© Издательские решения

Содержание

ЛИХИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ В ШЕКСНЕ	6
ДЕНЬ ЗА ДНЕМ	7
И ДОМА ПРО РАБОТУ	10
ИДИЛЛИЯ	12
ПОД ПЛОМБОЙ	14
У КАЖДОГО СВОЯ РАБОТА	15
ХВАТИТ ПРОЩАТЬ	16
ТЕЛЕМАСТЕР	17
ЗАСЕДАНИЕ	18
КРУГОВЕРТЬ	19
МЕТАЛЛОЛОМ	23
ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ	25
ЛЮБОВЬ НЕ КАРТОШКА	26
ИНИЦИАТИВА НАКАЗУЕМА	28
ВЕЧЕР	31
А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК...	35
КАПИТАЛКА	37
ОБМАНЩИК	38
ПЕТРО	39
РАЗМЫШЛЕНИЯ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лихие девяностые в Шексне

Анатолий Суконщиков

*Писатель пишет половину книги.
Другую половину пишет читатель.
Джозеф Конри.*

© Анатолий Суконщиков, 2020

ISBN 978-5-0051-0874-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛИХИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ В ШЕКСНЕ ОТ АВТОРА

Написал и задумался: «Оставить все как есть или «подлитературить», то есть заменить подлинные фамилии вымышленными. Может кому-то покажутся изложенные события и факты неточными и оскорбительными. Но я писал как видел и, в основном, слышал из уст встречаемых в то время людей. Я прекрасно знаю, что все мы в равной степени обладаем как достоинствами, так и недостатками. Кто-то одними, кто-то другими. Все мы не ангелы, все не без греха. Все нам не чуждо. Кому что дано. Многих уже нет в живых. Но каждый из нас в то время надеялся, работал и стремился к тому, чтобы в завтрашнем дне жить лучше, чем во вчерашнем. В этом направлении, в рамках отведенной судьбой, шли и мои герои. Я писал с тем, чтобы сохранить события прожитых лет. И пусть будут светлой памятью, упомянутые здесь имена и фамилии как для живущих, так и для ушедших в мир иной. Решил оставить все как есть. Если что не так, то пусть простят меня мои герои и их родственники.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

28.02.1990г.

На улице снега почти нет. Лужи. По Филину ручью бегут разводья солярки. Запах еще тот. Уже две недели такая картина. Во вчерашнем номере газеты «Звезда» появилась заметка-запрос директору завода ДВП Мирау Петру Францевичу по поводу загрязнения ручья.

Переодеваемся. В слесарной мастерской запрессового отделения старшой – бригадир Толя Курочкин. Кроме него Юра Петруничев, Андрюха Ворошнин и Игорь Соколов. Заходит начальник цеха Ноженко и к Курочкину: «Давайте к машинам. Последний день месяца. Чтобы все работало». Я и иду к шлифмашине второй линии. Там уже Сергей Лукин. У него шестой разряд, как и у Курочкина. И в бригаде их право на конечный вывод по наладке и ремонту оборудования. И на гражданке существует субординация.

Смотрю – машина стоит. Рядом крутится оператор. Порвало и зажало шлифленту, натяжной вал не поднимается. И плохо работает редуктор. А замены-то нет! Кое-как при помощи ваги приподнимаем вал и выдергиваем обрывок ленты. Сергей говорит, что теперь просто надо оператору при подъеме вала, сбрасывать воздух противодавления. И точно. Вал хоть и медленно, стал опускаться и подниматься. Зарядили новую шлиф ленту и машина заработала.

Вскоре заминка на продольном рольганге. Там почти закатало ведомую звездочку. Заменить нечем. Бригадир обнаружил на одной из полок звездочку с подобным шагом зубьев и убежал заказывать в РМЦ. А мы, открутив натяжник, и, удалив пару звеньев на цепи, натянули её через закатанную звездочку в тугую так, что она перестала прыгать и перескакивать через зуб звездочки.

Пришли в слесарку. Помыли руки. Время десять часов тридцать минут. Поставили чайник. Но влетел Игорь Соколов: «На первой линии у главного насоса шлифмашины выдавило сальник. Масло бежит».

– Придется его снимать, – решает Лукин.

Я молчу. У меня нет права голоса. Как говорится: «В нашей коммуналке живешь – по нашему заламывай кепку». Я ведь на подхвате.

– На сколько там ключи? – спрашивает Игорь, скорее всего сам себя, и продолжает: – Вроде, двадцать два на двадцать четыре. Пойду снимать.

– Зачем? – останавливает Лукин. – Чайку попьем и снимем.

А сам берет фонарик и идет на линию. Я следом. Мне интересно. Надо все знать. Но до места мы не добираемся. Навстречу бежит оператор и кричит: «Заело камеру охлаждения плит».

Подходим туда. Смотрим – шток правого цилиндра поднят, а левого – опущен. Разнобой. Сергей просит меня покрутить маховик насоса гидростанции в обратном направлении, а сам зажимает конечник. Я выполняю приказ старшего, но сам себя спрашиваю: «Для чего?» Вижу, что штоки цилиндров выравниваются. Включаем в работу гидростанцию и агрегат переворачивает плиту как положено.

– Что произошло? – пытаю Сергея.

– Плита попала не стандартная, короткая. А оператор преждевременно отключил насос гидростанции и поэтому конечник дальнего цилиндра не успел работать.

Сергей остается тут, а я иду к шлифмашине первой линии и вижу, что масло из головного насоса обильно вытекает через поврежденный сальник. Сообщаю подходящему Сергею. Он видит и сам. Молча направляется к пульту управления шлифмашины, а мне остается путь в слесарку, чтобы ждать дальнейших распоряжений. Туда вскоре заявляется и Лукин. Вдруг к нам вбегает мастер первой линии – женщина в черном свитере.

– Где Лукин Сережа?

– Вон, – показываем. Он как раз мыл руки.
– Надолго машину остановил?
– А как сделаем, но до обеда – точно.
– Как это? Сегодня последний день месяца.
– Да, там столько масла вытекло, – в свою очередь возмущается Лукин. – А кто таскать его будет?

В разговор включается Юра Петруничев. Он спрашивает Сергея:

– Ты остановил, машину? Так надо идти. Делать.
– Ладно. Вот чаю попьем...

Мастер:

– Так мы, за это время, хоть несколько кубов плиты наберем. Может включим, Сергей?
– А масло потом кто будет таскать? Если кто-то будет – включайте.

Петруничев кивает мастеру головой, что означает – «добро», а Сергея тихонько – шутливо журит: «Ну, ты и вредитель».

Попили чаю. Пошли. Хотели ускоренным темпом снять насос, не отсоединяя станину. Не удалось. Мешал вал. Пришлось брать насос вместе с ним. А когда все это принесли в мастерскую, то выяснилось, что импортный вал дал трещину. Аналогичной замены не было. Поставили отечественный насос. А у него скорость низкая. Тринадцать метров без нагрузки, с нагрузкой – восемь.

Опять все в слесарке, а я сперва долил масла в бак.

Тут бригадир объявил, что был Ноженко и велел вернуть родную для машины гидростанцию.

– Я, – говорит Курочкин, – начал возмущаться, де, угробим оборудование. А начальник цеха,

мол, сегодня надо сделать план. Дать шестьсот кубометров плиты, а завтра будем думать.

– Вот так, – сокрушался Курочкин, размахивая руками. – Сегодня план, а завтра будем думать, – повторял он слова Ноженко. – Все раскурочим, а потом и не собрать.

Перекинули все на старый лад. Рядом крутился Ноженко. Запустили машину. Стала работать.

Подошел механик цеха Зубов:

– Мне кажется, что масло в гидростанции греется из-за шлифмашины. Где-то в ней клинит.

Я, хоть совсем недавно пришел сюда на работу, но понимал, что он несет чушь. Курочкин тоже округлил глаза:

– Да чего может клинить? Если бы клинило, так подгорели бы и перевернулись ремни.

– Ну... – безразлично буркнул Зубов.

Курочкин коснулся рукой до металла:

– Редуктора все холодные. Они бы ведь тоже грелись.

Я сунулся со своим мнением, что клинить может только из-за муфты. Но она пока работает.

– Тут возник Ноженко и дотронулся одной рукой до Курочкина, а другой до меня:

– Помогите снять валик гидравлика, – и показал на поодаль работающих у пресса.

Мы подсобили снять деталь со станины весом в двести килограммов.

В это время электрик собрал схему на шлифмашину, а оператор ее запустил. Через неё пошла древесно-стружечная плита. Никакого клинения не наблюдалось.

– Клинит у Александра Васильевича в голове, – возмущенно говорит Курочкин. А Игорь Соколов его успокаивает:

– Да, брось ты переживать! Это ему перед начальством надо выглядеть знающим и работающим. А на самом деле он – кабинетный работник. Был-то директором комбината хлебопродуктов.

– Точно, – поддержал Курочкин. Не один раз было ему сказано, де, доставайте насос, а то встанем. Вот и приехали! Он тоже угрюмым стал. Раньше-то вторая линия горя не знала. А сейчас ее бросает как корабль – от берега к берегу.

И ДОМА ПРО РАБОТУ

Вечер. Пришёл с работы. Дети гуляют. Мы с женой собрались ужинать. У нас двухкомнатная квартира на пятом этаже. Дали от завода ДВП, можно сказать – супруге. Меня не учитывали. Сошка маленькая – слесарь четвертого разряда. По закону вроде бы положена трехкомнатная, так как дети разнополые. Да мой «вес» подвел. Правда, после маленькой комнаты общежития, мы и этому были рады. Ведь я стоял в очереди на жилье в поселковом совете не менее пяти лет. И еще простоял бы, наверное, лет двадцать. Поэтому новоселью радовались.

Квартира жены. Она работает экономистом в цехе щепы. От меня же потребовали расписку, что согласен проживать с ней на данной жилплощади. Расписку эту, тотчас прикрепили к другим важным бумагам.

Супруга собирает на стол и мимоходом говорит:

– Мира (главный экономист завода ДВП) сегодня сказала про Ноженко, мол, хорошо, что на заводе хоть один лидер есть, за которым коллектив идет. А я ей ответила: «Знаете, Мира Николаевна, идет за ним пока вы деньги цеху ДСП валите, а вот не будете валить, так и коллектив отвернется. Вот смотрите. Вы им даете все. И зарплату хорошую и доход вон какой высокий. В ущерб другим цехам. А у нас в «щепе» что?»

– А что у вас? Вы тоже доход могли получить, да бумаги Мирау подали без подписи. Я ей, мол, не надо так говорить, Мира Николаевна! Вы же прекрасно знаете, что все у нас было подготовлено и Мирау читал всю нашу документацию, но вы же сами с ним сделали так, как вы этого и хотели. Так она и губы поджала.

Я поддержал начатый разговор:

– Не знаю выполнил ли план наш цех? Будет ли зарплата?

– Зарплата пока начисляется, – ответила жена. Она вращается среди основных конторских работников и знает расклад. Сейчас вот получим вторую половину доплаты. В марте, возможно, дадут тринадцатую. А в апреле – капиталка – тоже деньги будут. А с мая – большой вопрос...

Помолчали. Жена перевела разговор на другую тему:

– Я еду домой. Игорь Соколов садится в автобус. Я поздоровалась, а он нет.

– Наверное, не узнал. Или своими мыслями был занят. В кино брал билеты. У него сегодня романтическое свидание.

– А был один...

– К нему, к Дому культуры подруга приедет.

– А как дела у них, у «молодых»?

– Слышал, что муж его «невесты» опять к ней возвращается.

– А Катька-то Соколова, наверное, к своему Игорю переберется?

Я смеюсь:

– У них идиллия. Поменялись женами на время. Но, на время ли? Не знаю. Игорь-то своей сказал: «Не пушу». Он второй месяц не выпивает. Вчера у Андрюхи Ворошниина рождение сына обмывали, так он не остался, ушел.

Вот видишь? Он ушел, а ты нет.

– Да как-то неудобно. Да я стопку всего...

...После ужина замеряем площадь кухни и коридора. Пятнадцать квадратных метров. Жене пообещали достать линолеум.

Одиннадцать ночи. На улице ветер. Стучит железо на крыше и снаружи на подоконниках. Слегка отдувает занавески. Ветер проходит сквозь окна и даже сквозь кирпичную кладку.

На подоконнике у нас банки с рассадой: перцы, помидоры и крупная южная ягода. Проклюнулись два семечка арбуза и два перца.

Ем яблоко и ложусь спать.

ИДИЛЛИЯ

Проснулся всех раньше, Где-то по радио звучит гимн. Понежился ещё и окончательно встал в шесть сорок пять. Сегодня первое марта. Начало весны. На улице тихо, только слышно как где-то за окном щелкает клювом галка: «ростится» как курица перед кладкой яиц.

Жена забрякала на кухне посудой. Завилась. Встали Юля и Саша. Допили кофе.

Иду на работу. На улице слякоть. Падают мохнатый снег. Ветер южный. Настроение бодрое. Захожу в цех не центральными, а боковыми воротами. Тут ближе. На табло второй линии горит цифра сорок восемь. Столько запрессовок сделали ночью.

Игорь Соколов спускается по лестнице из будки операторов. Значит уже узнал о состоянии линии и неполадках. Мне можно не заходить. Шагаю прямо в слесарку. Там Юра Петруничев. Ворчит:

– Поздно чего-то...

Начинаю переодеваться.

– Восьми ещё нет...

Заходит Игорь, а следом Сергей Лукин.

– Поди-ка и не спал? – сощурился и, хитро улыбаясь, подшучивает Юра над Игорем.

– Да, после такого фильма разве уснешь? – подхватываю я шуточный тон Юры.

– Первого эротического, – вторит Лукин.

– Первого советского эротического, – пытаюсь уточнить я.

– Чушь, говно, а не кино, – говорит Игорь.

– Точно, подтверждает Ворошнин. Они с Курочкиным как раз зашли в слесарку. – Бабу показали, как доска и посмотреть не на что. Горбоносая. Половина зала тут ушла.

– Ты-то, поди во все глаза смотрел, – говорит, переодеваясь, Игорю Курочкин. – Один был?

– С ней.

– А «друг» твой тебе не навешал?

– Он в аварию попал.

– Ишь до чего довел ты мужика, – зудит бригадир. Природного таланта, умения подмечать тонкости характера партнера и подшучивать над ними у него не отнять. – Жив?

– Машину помял, да лицо пооскобил.

– Женщины наше счастье и беда...

– Хватит болтать, – вмешивается в разговор Юра Петруничев. – Выходим на линию...

И Курочкин тотчас приступает к своим обязанностям.

– Как линии на профилактику встанут, – инструктирует он, – надо срезать и поставить другую звездочку на второй, а на поперечном рольганге первой линии снять цепь и звездочку. Придут из конструкторского бюро, снимут размеры и отдадут заказ в РМЦ.

– А зачем снимать? – возражает Юра. – Подшипник двести десятый. И зачем снимать?

Но у бригадира свои резоны.

– Нет, надо снять. – Стоит он на своем. – Пусть все полностью замеряют. Зато, если ошибутся, то к нам не будет никаких претензий.

– Ты начальник, – парирует Юра, – тебе с горки видней!

Я уже на линии. Почему-то хорошее настроение и хочется работать. Без приказа долил масло в гидростанции второго «кармана», Заменяю цангу на масляной трубке – устранил течь.

Когда вторая линия остановилась на чистку, начали срезать звездочку. Возились долго. Срезал сварщик Андронов. Ступица у звездочки широкая и та не хотела поддаваться. А когда срезали ее и зачистили посадочное место, оказалось, что новая звездочка не подходит. Ее надо растачивать. Юра снял размеры и Курочкин побежал в РМЦ.

Спустя час принесли из РМЦ звездочку, но оказался у ней меньшего размера шпоночный паз. Пришлось готовить мне другую шпонку. Провозились почти до обеда.

Вчера Толя Курочкин был на заседании СТК и стал делиться впечатлениями:

– Выступал механик подсобного хозяйства. Приятно его было послушать. Нет, – говорит, – того-то и того-то. Не поставили вовремя снабженцы. Ну и представили им штрафные санкции. Считаю, что правильно сделали. А за что им деньги платим? Зачем их держим. – А у нас —то у самих? – спрашивает бригадир, и сам отвечает: – Сколько времени нет питательных валиков, насосов? И Хоть бы к кому предъявили санкции. Снимают с завода пятьдесят четыре тысячи за экологию – разлили солярку. Какое наказание понесли главный инженер и начальники цехов? С них-то сколько «деревянных» сняли? Ничего! Так, что им не жить? Наклали в штаны, а вытряхивать некому. Премию, так небось от себя не отпихнут...

ПОД ПЛОМБОЙ

После обеда начальник первой линии Боровиков принес для шлифмашины новый гидравлический насос. Взамен текущего. Покидая слесарку упредил: «Насос новый, под пломбой!»

Появился Ноженко – в норковой шапке, в коричневой кожаной куртке. Глубокая на лбу морщина. Посмотрел на принесенный насос.

– Сейчас на чистку останутся и мы поставим быстренько, – перехватив взгляд начальника цеха, объявил бригадир. А когда тот вышел, добавил:

– Ишь наше начальство начало бить копытом. Вы сознаете, – говорят, – на вас какая легла ответственность?! Она, японский городской легла, а мы должны бегать, выпрыгивать из штанов. Ничего эта перестановка не даст...

Поставили. Включили. Пшик! Даже одного раза не провернул.

– Вот и под пломбой... – съязвил старшой. – Да разве нам чего хорошего дадут?

Пришлось тащить старый насос и возвращать на место. Все время рядом был Ноженко. Его присутствие нам было не приятно, но что поделаешь – контроль.

Линия поехала. А мы – в слесарку.

Сергей Лукин не слова не говоря занялся проверкой головки малой гидростанции, которую я собирал и опробовал накануне. Еще утром проверил, – ходила хорошо, не грелась. – А тут, смотрю – Лукин разбирает ее.

Вывод – мне не доверяет. Думаю, может, наворотил чего по неопытности?

– Подшипник полетел?

– Да! Полетел, – цедит Лукин.

Раскрутил, раскидал всю «головку» – подшипник нормальный. Как стоял, так и стоит после многочасовой работы.

– Что, Сергей Павлович, – лыбится Курочкин – Вроде бы целый?

– Да он же и не грелся, – поясняю я, понимая, что Лукин просто ищет зацепку, чтобы показать свое превосходство. Но для смягчения ситуации не выхожу из миролюбия:

– Может посадочное место разбило?

Пошатали. Нет. Все хорошо.

– Есть качка в подшипнике, – гнет свою линию Сергей. Заставить его изменить своим правилам бывало делом практически безнадежным. Лукин – мужик себе на уме.

Защищаюсь:

– Смазать еще надо его, раз разобрали.

Набили смазки – циатима.

Сергей стоял, стоял, думал, думал и говорит:

– Навернется он.

– И все не вечно, – улыбаюсь, – До капиталки он проходит, а то и дольше. Тем боле, что прилично положили смазки.

– Закрывай, Сергей Павлович, – говорит бригадир – . И ставь «головку» на место.

У КАЖДОГО СВОЯ РАБОТА

Мы втроем – я, Игорь и Ворошнин, натягиваем ремни на шкивы вентилятора обрезного станка.

Мимо нас профланировал инженер по технике безопасности. Выглядел этот человек вполне солидно – высокий, тощий с рыжими усами. Голову держит прямо, нос вздернут вверх. Весь вид его показывал – я знаю себе цену.

– От безделья решил по цеху прогуляться, – говорит Андрюха, закручивая болт натяжника и добавляет – Как это целый день выходить с папочкой, ничего не делая?

– А он привык, – роняет Игорь. – Деньги же платят.

– У каждого своя работа, – говорю я, собирая ключи.

В слесарке видим на зеркале листок – листовку. Она прикрывает портрет Брежнева. Его на стену прикрепил Андрюха. Листовка появилась в наше отсутствие. На ней фотография и крупным шрифтом напечатано, что инженер завода по снабжению Маймистов Николай Васильевич кандидат в областной Совет депутатов. И призыв за него голосовать.

Курочкин снял листок с зеркала и стал с издевкой читать:

– Тысяча девятьсот сорок шестого года рождения.. Ага, – говорит Курочкин. – Он сокольский, – и кивает Игорю и Юре, – ваш земляк. И пытается выбросить листок в урну.

– Оставь, – просит Юра. – Листок чистый. Пригодится к покеру.

ХВАТИТ ПРОЩАТЬ

Вечер. Ужинаем.

– Представляешь, – разливая суп по тарелкам, – говорит жена. – Сегодня оказалось, что цеха ДВП и ДСП выполнили месячный план по выпуску плиты. А наш цех по подаче щепы по бумагам не выполнил. Спрашивается: из чего же они её делали? Из воздуха? Я показываю бумаги Семенову, он за начальника цеха на время отпуска Кухты. Мол, что за безобразие? Если ты не пойдешь ругаться к Киселеву, то я одна пойду.

– Приходим. Он говорит:

– Я тоже удивился. Как так получается? И думаю придете или нет?

– На завтра он наметил совместное разбирательство. Я решила: «хватит прощать». Матанова, главный технолог цеха ДСП звонит мне после обеда. Такая ласковая: «Вот, мол, Валерий Михайлович позвонил... Я тоже удивилась!» А чему удивилась? Сами же с Ноженко сказали, что не кубометра больше не подпишут. И каждый месяц так. То чек, то данные по щепе не подписывают. Волынят. Пора их к ответу привлекать. Я так и сказала Киселеву. Он сейчас за директора завода.

– Значит план-то наш цех выполнил? – спрашиваю я у жены, зная, что и она заинтересована в этом. Не выполнение плана отразится на моей зарплате и на семейном бюджете.

– Да, выполнили, – говорит она. – Семнадцать тысяч двести восемьдесят кубометров плиты дали.

ТЕЛЕМАСТЕР

В восьмом часу вечера пришел телемастер. Я был на кухне, а жена с соседкой Леной сидели в зале на диване. Услыхали звонок. Жена крикнула: «Открыто, заходите». Думали дети идут от соседей. Но никто не вошел.

– Видно, кто-то незнакомый.

Отворила.

– Я телемастер. Давно у вас не был. Может и забыли?

– Нет, – женщины в один голос. – Только что вспоминали. Плохо без телевизора.

Мастер был две с половиной недели назад. Тогда он вынул блок, который требовалось отремонтировать и вот только принес его.

– Нет запчастей, – поясняет. – А которые есть – не качественные. Всё идет на космос и военную промышленность. У меня сестра в Талине. Работает на радиозаводе. Так там все лучшее отбирают военным, а бракованные детали в продажу. А вот в Японии, например, брака вообще нет. У нас распределение делится на подгруппы – А, Б, С, то есть – первый, второй, третий сорт. А у них – для какого изделия предназначена деталь, для того и собрана микросхема. И если есть отклонение в ее изготовлении, то деталь – на переплавку. Там как принимают на работу? Подходит гражданин. Его берут, но заключают с ним договор, чтобы за год дал десять рацпредложений. Если условия договора не выполнил, то его под зад мешалкой. У ворот – очередь. Зато японцы изделиями завалили свой рынок и американцы от них уже стонут. Для японского телевизора – гарантийный срок работы – двадцать, двадцать пять лет уже мал. Они замахиваются на пятьдесят. Купил и одного телевизора на всю жизнь хватит. А наш рассчитан на пять лет службы. Гарантийный срок – один год, а на кинескоп – два. Ну, куда это годится? Это сейчас начали бюрократию расшевеливать. А то, ведь на прием к первому секретарю партии не попасть. Все кругом — милиция, охрана. А им все блага идут – и дачи и санатории, и особое питание. Так зачем им перестраиваться? Вот они и вставляют палки в колеса Михаилу Горбачеву. Сейчас нет ничего у простого люда, а с высокой трибуны уже сказали: «Затяните рубашку потуже, будет еще хуже».

Закончил ремонт, поставил телевизор на место. Включил. Порядок!

Жена спросила: «Сколько за работу?»

– Да, сколько не жалко! Не первый раз прихожу.

Супруга подала двадцать пять рублей и бутылку водки – дефицит, по талонам.

– Может мало? – спросила она и протянула еще пять рублей: – Вот еще, чтоб вам было не обидно и нам, чтоб не думалось. Вы бы точную цену сказали. Мы ж не знаем сколько стоят запчасти и работа.

– А, что запчасти? Тут все по мелочи – рубля на три. Но в ателье, где-то так бы и взяли.

Он ушел. Дети стали смотреть телевизор.

Уже поздно. На улице вновь оттепель. Снежок, выпавший утром, растаял. Слышно, как за окном шаркают по бетону подошвы обуви прохожих. Половина двенадцати ночи. Ложусь спать.

ЗАСЕДАНИЕ

– Сегодня нас всех собрал зам. директора Киселев, – говорит жена. – Он объявил по какому поводу заседание и первое слово дал мне. Ноженко аж передернуло. Я отчиталась, мол, так и так – вы выполнили план, а наш цех – нет. Почему так получилось?

Матанова завела, что вот, мол я рассчитала сколько кладем мы смолы, да других компонентов, да щепка идет влажная и получается, что у нас экономия из-за влаги.

– Ишь, – думаю, щепка сырая. Экономия из-за влаги? Значит сушилки у вас в ДСП не работают?

Тут поднялся и выступил Ноженко. Да, такой гордый. И понес и понес... Да так, что даже Киселев не выдержал и сказал:

– Ты, что это, Данилыч, встал в позу? Не может быть такого, чтобы цеха, в которые было поставлено сырье, выполнили план, а тот цех, который поставлял сырье, – нет. Наверное, надо подписать документ на затребованное количество сырья. А оно, исходя из представленных вам и мне данных, соответствует им. Не так ли?

– Нет, – сказал Ноженко. – Такого не будет

– Да, ладно, Виктор Михайлович, – продолжала жена. – Я ему не сказала, но окончательно поняла, что в ДСП смухлевали, а я их зацепила. – Пусть не оплачивают. Все это всплывет, когда будет подсчитываться доход за третий квартал.

Ноженко, аж, подпрыгнул. Встал и убежал из зала.

– Наверное, ты кричала, – говорю я, зная взрывной характер жены.

– Нет, – говорит. – Я, перед тем напилась валерьянки.

– Ну и что дальше?

– Кончилось это заседание, я быстренько поела в столовой и сажу – делаю отчет. И вдруг телефон. Звонит Матанова и таким добреньким голоском:

– Люда, ты наверное расстроилась?

– Нет, – говорю. – Чего мне расстраиваться?

– Так сколько у тебя получается по отчету? Двести девять? Да? Так Ноженко велел подписать. Приходи. Мы подадим тебе чек.

– Некогда, – говорю, – мне. Я отчет готовлю.

– Ну, ладно. Валентина пойдет в управление и тебе занесет.

А что, думаю, идти к ним? И так знаю на какую цифру они готовы подписать. Взято-то у них со склада. Решила, что не стоит пока идти на поклон.

КРУГОВЕРТЬ

Круговерть, да и только. Работа, дом, работа. Ни просвета, не выхода. На живот только и работаешь. А концы с концами едва сводишь.

Жена с утра не в настроении. Завтра бы всем вместе надо ехать в деревню – выходной, а наряды не сданы. Не все мастера сдают данные вовремя.

– Может, – бурчит, – и завтра придется выйти.

Я стараюсь ее не нервировать.

– И купить в магазине нечего. Возьми, – говорит, – пару копченых кур, чтобы ехать не с пустыми руками.

– Добро, – соглашаюсь я. Благо у завода есть своя коптильня от столовой. И этот продукт всегда имеется в наличии.

На улице слегка подморозило. После беглого осмотра линии захожу в слесарку. Там шумно. Все в сборе. У Курочкина выпачканы руки, глаза полусонные. Оказывается, его вызвали ночью в цех. Чтобы не мучиться одному, он прихватил Юру Петруничева. На крыше полетел вентилятор, вытягивающий пыль из шлифмашины. Ставил его я четвертого января во время дежурства. Прошло три месяца. Как и тогда раскалился подшипник, до такой степени, что зашала пыль около вентилятора. Да и работал пока не заклинило. До утра бились. Не успели они скрыться за заводскими воротами, как на первой линии лопнул болт крепления основного вала камеры кондиционирования. Пришлось плиту пропускать в обход. Вторая линия пахала вовсю. Правда, как сказал Игорь, снова течет масло на гидростанции камеры. Вчера мы с ним, не найдя хорошей цанги, поставили временно, с трещиной. Через нее и вытекало масло. Всю ночную смену она отработала без перерыва.

Я взял ключи на семнадцать и двадцать два и пошел к работающей гидростанции. Попробовал подтянуть гайку. Это в какой-то степени удалось. Масло уже не бежало ручьем, а лишь изредка подкапывало.

Когда вернулся в слесарку, Игорь спросил:

– Ну, как?

– Сейчас не бежит, а лишь изредка капает.

– Я взял у Курочкина две новые цанги и трубку. Так, что поправим дело. Правда, сначала-то отказывал. Говорил, что нету.

– А вчера почему он нам не дал? А потом шумел: «Зачем цангу с трещиной поставили?»

– Так это он при Зубове говорил. Хитрил. Он умный, изворотливый. Не зря у него кличка – Еврей.

В это время Сергей Лукин занялся осмотром камеры охлаждения первой линии. Для того, чтобы поставить в гнездо болт диаметром в тридцать миллиметров, необходимо вал камеры весом в тонну, сдвинуть на двадцать пять миллиметров. Сделать это быстро не выйдет. Домкрат не установить. И Сергей стал это делать при помощи крупного болта и гайки – личное предложение. А я поднялся на крышу цеха – посмотреть, как работает вентилятор вытяжки пыли, установленный ночью. Потрогал подшипники. Слегка теплые. Но вал в корпусе, поставлен, как и предыдущий мною, пыльником в сторону шкива. То есть по мнению Сергея Лукина – неправильно. Когда я в тот раз собрал вентилятор он проверил мою работу и на другой день сидя за столом при всех сказал, что «поросенок» на вентиляторе долго не простоит. Пыль будет попадать в подшипник. Я внутренне смутился, но виду не подал. А про себя подумал: «А что же ты не подсказал, когда я его собирал? Видел ведь, гад? И чтобы отговориться и его припрятать сказал, что ставил так потому, что у вала «поросенка» оказались разные «плечи». И чтобы крыльчатка не задевала за корпус вентилятора, пришлось ставить ее на длинное «плечо».

– Да они же одинаковые, – отрубил Сергей.

– Ну, не знаю. Но я замерял и одно плечо оказалось на двадцать миллиметров длиннее. В РМЦ так выточили, по чертежам.

И это была правда.

Сейчас, спустившись с крыши, иду на вторую линию к карманам, но у шлифовки меня останавливает сменный мастер.

– Где Курочкин?

– Домой ушел. Они с Петруничевым ночью работали. А что?

– Надо бы шлифмашину посмотреть. Нижняя лента сбегает. А мои операторы «дубы».

– Хорошо, – обещаю, – а сам про себя думаю: «Я еще «дубее» так как оператором не работал и слесарем-то без году неделя. По возрасту-то я самый старей – Без двух лет – сорок, а опыта подобной работы нет. Я гуманитарий. Сменил профессию, чтоб прокормить семейство. Все на семь – шесть лет моложе меня, за исключением Андрюхи Ворошнина. Он еще младше. А мы с ним, можно сказать, ученики. Все остальные опытные работники – костяк. Мне приходится приспосабливаться.

Где посложнее, туда меня не подпускают и стараются не посвящать в профессиональные тайны. Надо самому до всего доходить. Чтобы знать шлифмашину, неплохо бы поработать в смене. Но уйдешь туда – здесь место потеряешь и может лучше не стать. Нас жизнь заставляет, порой по краю идти или увольняться.

– Хорошо, – сказал я мастеру. – Посмотрим. Если сам не смогу ничего сделать, то позову Игоря Соколова.

Решаю в уме: «Игорь по проще всех. Он был в смене и наладчиком. Сделает и подскажет. Он для меня как наставник. А когда рядом с тобой человек бывалый, ты чувствуешь себя спокойно, знаешь, что основная доля ответственности лежит на нем. Если даже ты облажаешься, то учитель тебя прикроет.

Поднял натяжной вал. Поправил ленту. Запустил машину. С набором оборотов лента стала сбегать в мою сторону. Попробовал регулировать давление воздуха в натяжном цилиндре. Но попытки не увенчались успехом.

Потащился за Игорем.

– Пойдем, – говорю, – на вторую линию к шлифовке. Лента сбегает и моей регулировке не поддается. Посмотри.

Он посмотрел на мигающие «глазки», потрогал ленту, поотгибал ее.

– Не щелкает, – сообщил. – Нет контакта. Тут электрика.

Оператор побежал за электриком.

– Вот, – оправдываюсь, – и я попробовал регулировать, а она все равно сбегает в эту сторону.

– Так она на «нас» сбегает? – уточнил Игорь.

– Да!

– Тогда не из-за электриков.

Он попытался раза три включить машину, но лента по – прежнему сбегала. Пришел электрик. Вместе они покопались – безрезультатно.

Потом Игорь стал крутить то одну головку регулятора при работающей машине, то другую. Я, каждый раз поправлял ленту. Всеми были высказаны разные предположения: то плохой цилиндр, то лента старая... И вдруг после очередной попытки лента не сошла. Машина заработала.

Мне было неловко, но вида не подал. Присоединился к Сергею Лукину. Он все еще перемещал вал при помощи «подсобного» домкрата. Тут прибежал Ворошнин и запыхавшись:

– Сергей, что-то привод шлифмашины первой линии не работает?

Я высказал предположение:

– Может мало давления? Надо прибавить.

– Так ведь разом затормозилось, – говорит Андрюха. – Насос-то от руки проворачивается. Может вал провернуло?

– Наверное, шлицы срезало, – предполагает Лукин, продолжая работать. И не собираюсь никуда отлучаться. Он отличался упертостью. Если намечал себе какую-то цель, то двигался в ее направлении с целеустремленностью носорога. Заставить его изменить своим правилам было делом практически безнадежным. Порой был он как неприступная скала.

– Да нет! От руки крутится, а так ни в какую.

– Надо чтоб Игорь посмотрел, – говорю я и вылезая из прямка камеры охлаждения. Иду к машине. Чуть позднее от Сергея приходит Ворошнин. А Игорь Соколов уже там и машина работает.

– Чего сделал? —спрашивает его Андрюха.

А я обращаюсь к Игорю со своим предположением:

– Давления добавил?

Тот слегка кивает головой в знак согласия и говорит:

– Скорости.

Андрюха Игореву кивка не заметил и снова обращается к нему:

– Ну, рассказывай. Чего ты, гад, сделал? Говори. Чего сделал, что она поехала? Я бегал вокруг ее, проворачивал насос, а она стояла как вкопанная.

Игорь смеется, но молчит.

– Вот, гад, – притворно кипятится Андрей. – И не рассказывает.

– Нам с тобой, – говорю я, – Андрей не понять. Они коренные, а мы пристяжные – практиканты. Секретов нам никто не откроет. Правда, я уже понял, что моя версия была правильной.

Игорь подошел к гидростанции и слегка показал рукой на регулировку давления, от чего повышалась скорость.

После обеда стали собирать «поросенка». На случай если полетит тот, что поставлен на вентилятор ночью. Сборку выполнял Ворошнин. А мы, втроем комментировали его действия.

– В это время в слесарную мастерскую с листком в руках заскочила секретарь цеха ДСП Тамара Николаевна Круглова.

– Где Курочкин?

– В отгуле.

– Нужен человек на заводскую конференцию. Срочно. Начало в два часа.

– Так уже скоро два, – говорит Сергей Лукин.

– Так получилось. Сначала назначили на четыре, а потом перенесли. Давайте быстрее.

Кто из вас пойдет?

Я кивнул головой в сторону Лукина.

– Так, от сушильщиков идет Киренков, от вас – Лукин.

В это время вошел Зубов и опротестовал:

– Нет, Лукина не берите.

– А кто пойдет? – повысила голос секретарь.

– Кого хотите берите, а только не Лукина. Насос лежит несобранный. Сейчас из РМЦ поступят детали и надо его собрать.

– Так кто же пойдет?

Видя такой поворот событий, я отодвинулся в сторону. Зубов, может был бы рад отправить меня, потому как, наверное, думал, что от меня, для его дела, проку нет. Но в нашем коллективе быть делегатом на заводской конференции считалось делом почетным. И посылать не передовика не этично. Мы с Ворошниним переглянулись и друг другу сказали:

– Пусть Игорь идет.

Лукин тоже сказал, что должен идти Соколов.

Тамара ушла. А Игорь, переодеваясь пробурчал:

– Вот, гады, самого «молодого» отправили...

Андрюха шутливо ему в след проговорил:

– Иди, иди, молодой. И не брыкайся. Тебе честь доверена, гордиться должен! А ты кобенишься тут. Потом расскажешь, что там было.

Я и Андрей дособирали «поросенка», а Сергей сходил в РМЦ и приступил к сборке гидравлического насоса. Мы стали ему помогать.

Опять Зубов. И ни к кому не обращаясь:

– Насос надо собрать и заменить.

– После пяти оставаться? – поморщился Андрей.

– А что мы за это будем иметь? – вторит ему Лукин с нотками игривости. – Отгулов у нас и так хватает.

– Ну, что будете иметь? – Вопросом на вопрос говорит главный механик, – рассчитаемся какнибудь. И потом – Родина вас не забудет.

– Ну, раз потомки будут помнить, то надо сделать, – говорит Сергей.

– Провозимся, – сказал Ворошнин, – когда Зубов и Сергей, что-то обсуждая, вышли из слесарки. – А для пятницы не хотелось бы оставаться.

– Да, – говорю, – пока собираем, будет пять. Да на место ставим...

И прособирали до половины восьмого вечера. Вал, выточенный в РМЦ, пришлось подгонять под внутренний диаметр подшипников. Грели, притирали, шлифовали. Под конец сборки зашел Зубов. Походил по слесарке. Попереминался с ноги на ногу:

– Не знаю как лучше и сделать?

– Я пытаюсь «прочитать» мысли механика:

– Зачем его сейчас ставить? Ведь, чтобы поменять насосы, минимум на час надо останавливать шлифовку. Может лучше собрать его и подвести к месту. Полетит тот, тогда уж и этот поставить. Тот-то насос проверен. Он до утра минимум проработает.

Кинув брови на лоб, Зубов согласился.

– Только вы его туда подвезите. А, может, завтра, хоть и суббота, кто-то из вас в «чистку» поставит его?

– Если, Сергей Лукин?

Зубов:

– Как? Не сможешь?

– Да, так, вроде, – протянул Лукин, – и не успел закончить как Зубов сказал:

– Спасибо, Сережа! Ты, уж, приди и поставь его. Ну, ребята, я пошел. Всего доброго.

Он ушел, а Андрюха засмеялся:

– Вот, молодец! Еще, Сергей и согласия не дал, а он: «Спасибо». Вот здорово!

А перед этим, около шести вечера, когда мы собирали насос, в слесарку заскочил Игорь Соколов. Он убежал на конференцию, оставив ключи от квартиры в шкафчике.

– Прихожу, – говорит к дому, а меня не пускает в квартиру дверь.

Мимоходом он рассказал, что на конференции Николай Сиротин механик сушильного отделения выступил против Петрухи Мирау. От его речи Мирау смутился, покраснел, но промолчал. А потом взял слово наш Ноженко. Он был за Петруху. Ругал Сиротина, да так, что тот и зал покинул. Юрист Свистин поднял руку и попросил, чтобы его ввели в состав совета арендаторов. А Петруха сказал, что от него, – юриста, одни убытки для завода. И снова пошла ругань.

МЕТАЛЛОЛОМ

Сегодня понедельник. Как говорят – день тяжелый. Первый рабочий день этой трудовой недели. Накануне выпал снег. Подморозило. А я почему-то натянул резиновые сапоги? Просто забыл, что ехали вчера из деревни в автобусе и было холодно. Переобуваться не захотел. Весна и ведь погода может измениться в одночасье.

Одел шапку, осеннее пальто в клеточку. В сетку положил чистый комбинезон, правда, он был не ушит и не хотелось его, марафет. Но и старая спецовка была через чур грязна.

Утро началось с обсуждения прожитых выходных. Тем более, что в воскресенье были выборы. Поделались – кто ходил и кто не ходил голосовать. Курочкин сказал, что не ходил. У него сегодня день рождения. Он отпросился, взяв отгул, и ушел домой.

Насос, который мы собирали в пятницу, полетел. Выдавило манжет. Надо снова перебирать. Мы с Юрой притащили его в слесарную мастерскую и приступили к разборке.

Явился Зубов. С порога:

– Ну, кто смелый? Нужен человек на металлолом. Так как, ребята?

– Не знаем, – говорит Юра. – Как решит начальник?

– Так начальника нет. Он в отгуле.

Мы все смеемся и говорим, де, нет одного, есть второй. Имея в виду Сергея Лукина.

– Нет второго, – вторит с усмешкой Игорь, поглядывая на Юру Петруничева, – есть третий.

– Ну все же, ребята, надо сходить. Кто пойдет?

– Наверное, – говорю, – моя очередь. А от других-то отделений кто-нибудь будет?

– Как же! Как же! Сейчас я к гидравликам пойду.

Через пять минут он вновь заскочил в слесарку и сообщил, что сбор в мастерской гидравликов и руководить погрузкой металлолома будет Кольцов. Это был высокий тощий как палка, но жилистый и цепкий слесарь по прозвищу «огурец». Оказалось, что мы с ним будем грузить втор сырье вдвоем. Работа на улице, а посему одеться требуется потеплее. Я натянул рабочую курточку и шапку, а Кольцов был в фуфайке.

Подожли самосвал и автокран. В куче металлолома в основном вентиляционные трубы. Они большого размера и малого веса.

Погрузили пару труб. Еще заехали в цех и покидали мелочевки. Больше не было металлолома. Так и отправили почти пустой самосвал.

Когда вернулся в слесарку, насос еще был не разобран. Вал, который мы садили на «горячую», из корпуса не выходил. Снимали его при помощи болтов.

Заходил Ноженко. Спросил:

– Что с насосом?

– Полетел манжет.

– А вы старый ставили?

– Нет, новый. Но выдавило.

И больше он ничего не спросил и ничего не сказал, но мне показалось, что он «не в своей тарелке».

Насос собрали и снова поставили по просьбе начальника первой линии Боровикова.

После обеда в слесарную мастерскую вновь зашел Ноженко и сказал, что в ней надо навести порядок. Я кое-что поделал, поперебирал на полках имеющие запчасти. Но парни сказали:

– Хватит, потом доделаем. Иди играть в покер.

– Что ж, – думаю. – Мое дело телячье, отнеси – принеси и не мычи. Живешь в волчьей стае – по волчьей вой. И сажусь за стол...

...Вечер. Сейчас идет спектакль по книге Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Как раз фрагмент, где говорится как мастер сжег рукописи и они не горят. Я раньше об этой книге не слышал. Ведь Булгаков тогда еще числился в запрещенных авторах. Но меня поразило удивительное совпадение. У меня тоже так было. В один период времени со мной что-то творилось и я сжег рассказ «Бесхребетный». Прочитал его после написания и сжег. А потом восстановил. Вот как бывает...

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

– Ноженко, видимо, решил взять в оборот наш цех, – предполагает жена. – Не шитьем, так катанием. Сегодня Матанова раза три звонила. Все справлялась по объемам поданной щепы и количеству полученных запрессовок. Расхождение фракции получается. А все потому, что наши лаборанты жизнь себе облегчают. На анализ они щепу берут там, куда ближе ходить. А в этом месте выемка. И в ней вся мелочь скапливается. А в результате – разногласие. Сегодня делали контрольные замеры.

– После обеда ко мне в цех заходила Баишева. Разоткровенничалась:

– Ничем начальники не гнушаются. Ноженко для какого-то оператора просит путевку. Я ему и говорю: «Пожалуйста. Только пусть он принесет справку из больницы и в порядке очереди получит. Меня – как председателя профсоюза тоже контролируют». А он, мол, просит в обход этого. А раз, на «дележке» Мирау предлагал повысить премиальные начальнику цеха ДСП. А она —Баишева, – сказала: «Хватит того, что есть». И так за январь сделали Ноженко добавку в сорок или шестьдесят рублей...

Чтобы отвлечь жену от разговора о заводе, я сменил тему и сказал, что на днях, на дискотеке в клубе «Энергия», кто-то из цыган подрезал ножом русского. В отместку парни собрались и начали бить стекла в цыганском доме. Все до единого выщелкали. А на Овинцевской улице цыгане отстреливались из ружья.

– Что и творится, – говорит жена. – Вон в газете-то Сиротин выступил против Мирау. А в его защиту под подписью «инициативная группа» следом вышла другая статья. Только не поймешь —сколько человек в этой «инициативной группе» три или сто. Подписывались бы фамилиями.

– Возможно, – говорю я. – Сейчас задача прессы показать два мнения. Столкнуть две позиции. Сиротин написал против Мирау, а в противовес ему дали другую статью.

– Да, бог с ними... Спросила у Баишевой пойдет ли она на заводской вечер? А она мне: «Не знаю. Деньги-то я отдала. Мне и сесть-то сейчас не с кем. Среди управленческих нет никого подруг. Не пошла бы, да моему мужу просто хочется».

При ее должности – говорю я жене, – не будет друзей если выступать против верхов. Тут надо или подпевать им или быть в одиночестве.

ЛЮБОВЬ НЕ КАРТОШКА

Подхожу к заводу по тропе, а по дороге с боку идет Толя Курочкин. Впереди меня метрах в двадцати торопится его жена. Идут они с разных сторон. Он, по-видимому, из дома, а она, наверное, водила кого-то из детей в садик. Она невысокого роста, в шапчонке из нутрии, в полустоптанных сапожках. Я думал, он окликнет и догонит ее. Нет. И она не оглянулась, и он ее не окликнул, чтобы подождала.

Я приостановил шаг и поравнялся с ним. Он был в каком-то забытье:

– Ты что-то сказал? – Догоняй, догоняй супругу-то!

Он отмахнулся. Поздоровались за руку. Ему явно не хотелось говорить о семейных делах, а раз-говор поддержать требовалось.

– Прохладно.

– Да, – говорю. – В марте – февраль пришел. Ветер и снег колючий. Раньше народ говорил: «март отпустит, так апрель подождет», а нынче – февраль отпускал.

– Это точно, – соглашается Курочкин, – и переводит разговор на другую тему.

– Я вчера статью бывшего директора завода Маратаева читал. А чего? Правильно он написал. Мне понравилось как он про Валеру Киселева сказал, что сухим из воды вышел. И свою вину Николай Иванович признал.

– Да, по сути дела – задел-то сделан Коробовым и Маратаевым. Все оборудование, которое поступило при них использует Мирау.

– Я думаю, – предполагает Курочкин, – Петруха не набрал нужного количества голосов.

– Не знаю, не знаю! Возможно и набрал. Он напористый. И если пройдет, то займет должность мэра района. Сколотит свой костяк. А Маратаеву просто обидно стало. Вот он и выступил со статьей. Мирау, правда не пропадет если его не изберут. Это фигура масштабная. В случае чего, он проявит инициативу и окажется где-нибудь в Москве или ещё в каком-нибудь подходящем месте...

– Да, – говорит Курочкин, – два медведя в одной берлоге жить не смогут...

Сегодня меняли правую головку шлифмашины на второй линии. Причем, три раза. Сначала заменили ее вручную, так как автокрану было не подъехать. Затем на ней через полчаса полетел подшипник со стороны шкива. Заменили его. Стали оба подшипника греться. Тогда подготовили старую головку, сменив на ней вал и подшипники. В четыре часа, греющиеся подшипники заклинило, и мы поставили подготовленную головку. Она стала исправно работать. Прошла полоса неудач.

У Игоря сегодня ночью было приключение. К нему на квартиру заявился муж его «невесты». А Соколов был с ней у себя дома. Муж пьяный. Все пытался по душам поговорить. Игорь предложил ему побеседовать утром, после протрезвления. А тот выщелкал у него оба стекла в окнах и, при этом, порезался. Хотел Игорь поколотить его. Но законная жена буяна этого не дала:

– Не связывайся. А то тебя в милицию заберут.

Вечером, перед уходом с работы, Соколов позвонил своей пассии, а сам аж весь сияет. Эко его!...

Мы подшучиваем с подковырками.

– Что любовь не делает с человеком?

На что Игорь говорит:

– Ну чего, вы, в самом деле! Хватит ржать уже, кони! – но он и сам уже улыбался во весь рот...

.. Вечером сын Санька заявляет нам:

– Завтра на часовом автобусе поеду к бабушке.

Жена:

– Здравствуйте! А что ты там делать будешь?

– А здесь?

– Так не куплено ничего! Не с пустыми же руками ехать. Ты лучше в каникулы поедешь.

– Нет! Завтра. – И в рёв.

ИНИЦИАТИВА НАКАЗУЕМА

– Надо поменять трубки на калибровке, – наказывает Курочкин Игорю. – Лопали сегодня ночью. Юра с Андрюхой! Сходите на крышу. Там в двух местах пылит.

Почувствовал, что буду помогать Игорю. Переделся и пошел на вторую линию к шлифмашине. На плите шла «рябь». Оператором работал Валера, по национальности не то турок, не то армянин. Волосы черные, кудрявые, словно шапка. Как у Анжелы Дэвис. Валера, согнувшись, снимал шлифленту одной рукой, другой держался за живот. Он мучается желудком. Я поздоровался с ним.

Тут подошел и Игорь. У шлифовки не опускался нижний натяжной вал. Соколов покрутил регулятор верхнего вала и тот поднялся. И лента ослабла.

– Все, готово, – сказал Игорь.

– Все равно плохо работает. Ремонтировать надо.

– Но работает же? – Игорь хитро улыбается. Улыбкой, которая говорит: «Действуй, настраивай и не пискай. Это работа оператора».

Они с Валерой давние друзья. Оба когда-то работали операторами на одной из линий и живут по соседству, в одном из арболитовых домов в «убей городке».

Тут к нам подходит Курочкин. Он сегодня посажен на трактор. Толя старый тракторист с корочками и опытом. И механик гидравликов Владимир Степанович Рямзин попросил его отвезти в ремонтно-механический цех семультанты.

Бригадир дает ценное указание:

– Зубов просит в котле приварить деталь. Андронов не может опуститься в этот сосуд. Задница слишком широка. Я сказал Зубову, что спрошу у тебя: «Полезешь, так полезешь, а нет, так нет».

Игорь нахмурился, неопределенно помотал головой.

– Дело твое, – пожал плечами бригадир. – Но было видно, что и он не желал бы, чтобы Игорь согласился.

Я высовываюсь:

– Заварить бы можно, а вдруг не так? Потом греха не оберешься.

– Да найдут они сварщика, – отмахивается и уходит.

Мы занялись шлифмашинной. Игорь стал менять пластмассовые трубки. А я вырубил цепь, поставил и натянул ее на первой паре питательных валиков. А затем поменял вставку. В машине, до «дуры» пыли. Я наглотался ее и вылез из агрегата как мельник. В придачу ело глаза от формальдегида. Запах смолы постоянно присутствовал в цехе в завышенной норме.

Закончили работу на шлифовке. Сидим в слесарке.

Юра Петруничев сразу к Игорю:

– Не пошел варить?

– Нет!

– Ему сейчас здоровье надо беречь, – шучу я.

Игорь смеется:

– Да, здоровье мне сейчас ой как нужно! Вчера с тестем новым познакомился. Пачку сигарет у него занял. Мне самому некогда было в магазин бежать.

– Вот что любовь-то делает, – подначивает Юра. – Ты так и курить бросишь. В слесарке возникнул Зубов. Глубокомысленно наморщил лоб:

– Мужики, выручайте! Не может Сергей Андронов в котел пролезть, а там надо заплату приварить.

Смотрит то на Игоря, то на меня.

– Да, там и надо-то лишь на прихватки.

Игорь молчит, а я думаю: «Если он откажется, то я это сделаю». – Так, что? – с мольбой
Зубов.

Игорь вновь молчит. Я ему говорю:

– Сходим. Вместе.

Игорь не спеша, выдавливает из себя:

– Пусть Андронов провода протягивает.

Зубов как всегда: «Спасибо» и исчезает.

Возникает бригадир Курочкин. Смотрит на Игоря:

– Чего? Зубов уговаривал? Что, не могут сварщика найти? Сергея, то Лукина нет, а то бы...

– Он же не пролезет, – говорит Юра. – С его комплекцией, в такое узкое горлышко не втиснуться.

– Он бы все сделал, вытянулся б, но влез. А потом бы хвастался: «Вот, мол, никто не мог сделать, а я сделал».

Мне как-то стало неудобно от его слов. Вот, думаю, хорошо что не напросился. А Курочкин продолжал:

– Для Зубова Сережа все сделает, лишь бы только перед ним выпендриться.

Игорь сходил и приварил заплату. Пришел чумазый.

– Ну, как? – Спрашивает Курочкин.

– Все...

– Ну, ты герой нашего времени. Теперь можешь одеваться и идти домой. Мойся и к своей мадам шагай.

Было лишь одиннадцать часов, а рабочий день предпраздничный, то есть работа до двух.

Домой я пришел десять минут третьего. Дочь подала записку от жены. В ней она инструктировала, что если не вернется до трех, то мне необходимо податься в магазин, где она отложила мужскую куртку по цене – сорок восемь рублей. Жена была в парикмахерской. Нам предстояло идти на вечер, где собирались управленцы завода.

Прочитав записку, я забрался в ванную и вымылся.

А жена уже дома. На голове укладка. Довольнёнхонька.

– Читал записку?

– Читал.

– Одевайся и пошли. Посмотрим, если куртка не понравится, не возьмем.

Куртка висела в отделе «Продано».

Жена сняла её с вешалки и стала рассматривать. Комбинированная. Большая часть светлая. Черные нарукавники в виде заплат. Размер пятидесятый. Я стал ее примерять. Супруга под руку:

– Смотри, чтоб все застегивалось до последней кнопки

Две кнопки сначала не захлестнулись, но они были тугие. Приложил усилия. На швах торчало много концов ниток.

– Чья фабрика? – Спросила жена. – Дайка – посмотрю. Тьфу. Грузия.

Прочитал вслух:

– Бакинская швейная фабрика. Азербайджан!

– Все равно. Нитки торчат, сразу видно – Кавказ. Вон у меня халат сшит в Нагорном Карабахе. Неделю поносила и весь по швам разошелся. А в пододеяльниках все нитки лопнули. Тоже там сшиты.

Я продолжал примерять куртку и думал: «Она конечно не идеальная. Но где взять лучше? И все-таки сравнительно не дорогая».

– Давай, – говорю, – возьмем.

– Надо брать, – соглашается жена. – Сейчас время такое – сегодня не возьмешь, а завтра не будет.

На том и порешили.

ВЕЧЕР

На вечер, посвященный Дню восьмого марта, мы пришли, когда в зале находилось с десяток человек. Тут была пара Кожевиных. Она – секретарша директора завода Мирау Петра Францевича. А он – электрик электроцеха. Она, как всегда, накрашена. Выглядит симпатично и если бы не тонкие ноги, то – красавица. Он одет в светло серый костюм, при галстук. Лицо смуглое, нос с легкой горбинкой. Походка неспешная. При этом взгляд его направлен в землю, носки стоп раскидывает в стороны. Может он и получил прозвище «Дундич». На работу в электроцех всегда идет с засаленной холщевой сумкой. Она ему неизменно служит не менее шести лет, как мне рыбацкая.

Были тут и Веселовы. Она однокурсница моей жены. Фигуриста, тонколица. В черном платье с блестками. Платье красивое и она хороша. Он чуть выше среднего роста. Черные усы и волосы. Мастер на все руки. По-моему работает на тепловой. Позавчера шел на работу и еле переставлял ноги, сильно хромал. Я шел сзади, а когда обогнал спросил: «Что с ногой?»

– Да так, – отговорился.

Но в этот вечер, плясал, вернее танцевал в одном кругу со всеми. Эти мужики, как и я, пришли на вечер за счет жен.

На небольшой сцене налаживал микрофоны и музыкальный инструмент Ильин, руководитель заводского ансамбля и хора, в который каждую среду, четверг и пятницу, ходит моя супруга. Он коренастый. Смоляные волосы, слегка завитые, до плеч. На нем темно-голубая рубашка. Лицо черноватое, мужественное. Голос приятный. Весь вечер он пел и аккомпанировал себе на инструментах. С семи вечера до часа ночи. Другие музыканты за такую работу берут по тысяче рублей. Он же за зарплату —двести рублей.

И не откажешься, так как попал на «крючок» в отделе кадров. Запивает дня на два. Выгоды получает.

Пока жена переодевалась и расчесывала волосы перед зеркалом, я прошел в зал. Перекинулись с мужиками парами фраз. Видя, что они особо не расположены к разговору, да и я тоже, прошел вперед зала, стал ждать супругу. Она выбрала столик около окна. Он был четвертым или пятым в ряду от сцены.

На скатерти стояла пустая глубокая ваза. Приблизилась с букетом гвоздик жена Николая Веселова и спросила мою:

– Какую тебе?

– Все равно.

Она вынула из букета бело-красную гвоздику и украсила ею вазу.

Из закуски был салат, но мне он показался не свежим. Тонкими ломтиками нарезана копченая, а на двух блюдецках домашняя колбаса, изготовления заводских кулинаров. В широкой вазе обустроились шесть яблок и шесть конфет «Гулливер». Стекланный кувшин наполнен клюквенным напитком. По среди стола – две бутылки водки и бутылка шампанского и шесть пирожных – «корзиночка».

Мы сели. Жена моя – в сиреневом платье, которое сильно электролизуется. Еще дома она выбрызгала уйму электростатика на платье и флакон на всякий случай взяла с собой. Я как обычно был в сером костюме и в светло-голубой рубашке, серых ботинках. В отличии от других вечеров, на мне отсутствовал галстук с переливающимися светло-зелеными блестками, купленный в юности в Моздоке в начале семидесятых годов, когда я там учился на экскаваторщика от ПМК-22 «Вологда мелиорация».

Постепенно зал заполнялся людьми. Пришли Баишевы. Сняли верхнюю одежду. Он в красной рубашке, при галстук и серых брюках. Она в черном классическом платье. Оба в очках.

Надежда подошла к нашему столу и по-видимому хотела сесть с нами, но предварительно спросила:

– Людмила, у вас свободно?

– Ой, Надежда, должны подойти девчонки из нашего цеха да Якушевы. Было видно, что неудобно стало и Баишевой и жене. Они устроились за соседний столик, а вскоре к ним подседа чета Клеймятовых и еще две незнакомые мне женщины.

– Почему же наши-то не идут? – сама себя спросила моя супруга. – Ты сиди, а я пойду посмотрю.

Она ушла, но вскоре вернулась с букетом тюльпанов.

– Это Галины цветы. Она с Надеждой переодеваются.

Вскоре пришли и сели напротив нас ее девчонки. Надежда —лет тридцати – тридцати шести. Показалась мне не очень смазливой, но в шикарном наряде – в ярком с оборками платье, выглядела неплохо. Молчунья. Другая была моложе и хорошистей, с родинкой на щеке. Вскоре к нам присоединилась и чета Якушевых.

Надежда, как оказалось, не прочь была выпить и в течение вечера вместе с нами мужиками пригубляла водочку, а Галина наоборот – только шампанское. Моя тоже, сначала начала вместе с ней и Якушевой пить шампанское, но после первого глотка попросила налить водки, а шампанское передала Якушевой.

За первым столиком по нашему ряду воссел Мирау. Он явился с молодой женщиной, по-видимому родственницей. Жены не было. У него русо-рыжеватая борода. Волосы светлые до белизны на чубе. Лицо красное. Он, чем-то напоминал героев фильмов, где показывают дореволюционных богатых мужиков, любящих покутить, попить и поцапать – потискать женщин, что он пожалуй и делал. Правда не на вечере, у всех на виду. Но уж танцевал со многими. Мне показалось, что даже на вечере он проводил кадровую работу, располагая к себе женщин, а через них и мужчин.

Чуть позднее пришел Михаил Иванович Меньшиков – мой коллега по районной редакции. Он тоже сменил газету на завод и занимал должность заместителя начальника отдела кадров. Одет в коричневый костюм и светлую рубашку с галстуком. Лицо бледное, болезненное. Вместе с женой, которая работает в заводууправлении. Они подошли к столу Петра Францевича. Михаил Иванович широким жестом поздоровался с Мирау. За столиком они и остались.

Начался вечер. Двое ведущих. Один маленького роста, я его не знаю, другой – Збядыко – рыжеватый, плотный – сварщик из цеха отделки плит, дружок Сергея Лукина. Ими от каждого столика к сцене была приглашена женщина. Обыгрывалось представление, похожее на телевизионную программу «А, ну ка, девушки». Ведущие задавали вопросы из области кулинарии и швейного промысла. Нужно было отгадать что обозначает то или иное слово. Слова трудные. Многие из сидящих, наверное, слышали их впервые и мало кто мог правильно ответить. Поэтому получилось так, что ведущие как бы истязали приглашенных женщин. Зрители стали возмущаться. Раскритиковали их и избранные члены жюри: председатель – Мирау, секретарь – Меньшикова.

Потом предложили игру с водой в стаканах. Требовалось, чтобы стакан побывал у каждого сидящего за столом и чтобы жидкость в нем не расплескалась.

Затем объявили конкурс на скорость и реакцию – кто быстрее завяжет на партнере галстук. На этом на время фантазии исчерпались.

А когда взялись опустошаться бутылки, стало шумно и весело. Пошли танцы. После одного из них наша компания собралась за столом. Я, в очередной раз, «обновил» маленькие рюмочки. Все были возбуждены. Обычно молчаливая Надежда Гладких вдруг высказалась:

– Ты, молодец, Люда!

– Что?

– Вы молодцы! И ты и муж твой, что вместе выбираетесь на вечера. Вот я одна. Звала мужа, а он не пошел.

– А мы всегда вместе ходим, – говорит супруга. – А чего по одному-то?

– Какое счастье быть вместе, – продолжает разгоряченная Надежда. – Некоторые говорят, что лучше по одиночке, и осуждают тех, кто вместе. А это они завидуют.

Отвлек от ее от грустных мыслей новый танец – быстрый, который сменился медленным.

В самый разгар вечера в зал вошла пара. Он слесарь РМЦ. Бывший хоккеист, подававший большие надежды в заводской и районной командах. Самый техничный игрок. Да сгубило его спиртное. Мужики про него говорят, что Епимахов чутьем угадывает, где выпивают. Только бутылку откроют и он ту как тут. Садится на «хвост». Пьет на халяву. А если в компании при нем сбрасываются на бутылку, у него на общий «котел» никогда нет денег. В такие минуты он достает монету в пятьдесят копеек, подбрасывает ее, ловит: «А у меня только полтинник».

За это мужики дали ему прозвище – «Полтинник». Ему года тридцать два. В светло-коричневом джемпере, серых брюках. Выглядит неплохо. Еще достаточно трезвый. Его спутница – бывшая жена Юрки Краповина. Тот раньше работал слесарем на формовке в цехе ДСП и был лучшим разделящиком лент. Чем очень гордился. Этим гордилась и его жена. Иногда она пугала главного механика цеха: «Вот мой Юра не будет разделявать ленты, что тогда?» И можно было понять, что случится нечто страшное, встанет цех. Но с приходом Ноженко Юра как-то «залетел» по глупому. Пришлось ему увольняться. Сейчас он как будто бы трудится монтажником на КХП и прирабатывает у «хозяев» видеосалона. То ли продает билеты, то ли занят еще чем-то. Но частенько его видят там. С супругой они поссорились и подали заявление на развод. Разошлись или нет – не известно. По крайней мере на вечере, посвященном юбилею завода ДВП, они были вместе. И вот она сегодня в новом виде, с новым другом. У всех любопытство.

Музыка повела медленный танец. Возле Краповиной тот час очутился Мирау. Она пылко обхватила его шею руками. Он ее первым жестом обнял, притянул к себе, но на этом и закончились пылкости. Только к нашему удивлению пылкие страсти разгорелись с ней у Михаила. Мне было странным видеть как они, танцуя, целовались на глазах у всех, в том числе и на глазах его жены. А левая рука Михаила медленно все опускалась и опускалась по талии к бедру и вновь поднималась, скользя по ягодице. После чего эта пылкая женщина увлекла Михаила на первый этаж и на глазах куривших мужчин утащила в раздевалку. Чем закончилась это всё — не известно.

Хоккеист, увидев, что брошен, покинул зал. Ну что ж, природа создала эту женщину для любви точно также, как она создала Моцарта для музыки, а Пеле для ударов по воротам. И сколько стоит мир, мужики все равно будут гореть на вине и бабах!

За столиком я сидел рядом с Сашей Якушевым. Он механик СУ-466. Моя супруга подала мне бутылку шампанского, чтобы я ее открыл. Увы, я обычно откупориваю так, что пробка обязательно летит в потолок, а вино льется куда попало. Поэтому вручаю её соседу – Саше. Который отлично справился с порученным делом и стал «ответственным» за шампанское, наливал его в бокалы своей жене и Галине. А я распределял водку.

Стараюсь не перепить, так как был научен горьким опытом. Ибо не опохмеляюсь и долго отхожу. Приступы рвоты – изнуряющие.

Саша порывается блеснуть остроумием. Он произнес тост в честь женского дня, и пожелал, чтобы восьмое марта был мужским днем, а остальные в году – женскими.

Меня Якушев спросил:

– Почему не работаешь в газете? Ведь ты вроде литературный кончал?

– Нет, – говорю. Не литературный, а факультет журналистики. Заочно. А почему не работаю? Знаешь, на это в двух словах трудно ответить. Я уже на заводе третий год. Привык. А заканчивал университет уже, работая здесь. Там в это время и места-то не было.

– Ну ладно. Не в редакции, так хотя бы в Доме культуры?

– А я не подхожу для него. Сам я из простой семьи. В шесть лет лишился отца. Меня больше тянет к физическому труду и приспособлен я к тому.

– Все равно тебя не понимаю. Ведь ты учился?

– Ну и что? Жизнь – самая лучшая учеба. Я – работаю. Не тунеядничаю. Семью кормлю. Вот ты с двухсот – двухсот-пятидесяти рублевой зарплаты ушел бы на зарплату в сто-двадцать – сто-пятьдесят рублей?

– Нет!

– Тут и мой ответ.

– А кем ты работаешь?

– Слесарем.

– А морально тебя не убивает, что ты закончил университет и тянешь ляжку простым работягой?

– Нисколько. Мне нравится труд рабочего. Ну, а по правде, иногда накатит морально, да отступить некуда.

Наш разговор прервала музыка медленного танца. Супруга толкнула меня в бок и шепнула на ухо:

– Пригласи Надежду, а то она что-то загрустила.

Я выполнил просьбу. Что не сделаешь ради женщин в их праздник.

Мы потанцевали. Поговорили о том о сем.

– Хорошая у тебя, Толя, жена, – говорит Надежда. – А как она тебя любит...

С вечера расходились поздно. В час ночи. Шли всей компанией. Ночь была темная, тихая. В некоторых окнах домов горел свет. Якушевы и Надежда провожали Галину до Барбача. А мы направились домой.

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК...

Десятого марта была моя очередь дежурить. Хотя и выходной день.

За дежурство и вызовы на работу ночью мы получали отгулы. Прикинул – у меня девять от-

гулов. Взаялся их реализовывать на двенадцатое и тринадцатое марта. Осталось еще семь. А сам размышляю:

– Вот и повышай производительность труда. Разве было бы у меня столько отгулов, если бы все крутилось исправно, как рассказывал телемастер про Японию. Если задуматься, то выходит, что на государственном предприятии выгоднее работать не в полную силу. Не даром мужики бают, де, сделаешь все, а потом в тебе не будут нуждаться, сократят.

Но как же стране поднять экономику? Вопрос – вопросов. А с другой стороны – это хорошо, что человек остается свободным, а не рабом. Но в целом для государства, наверное лучше если будут крутиться механизмы...

Собрался ехать в деревню. Нужно успеть на нифантовский автобус. Он отойдет через пять минут, а у меня еще не собрана сумка. Положил туда курицу в целлофановом пакете, приготовленную женой с вечера, да сухари. Больше брать нечего. Для тяжести взял еще ленту, бывшую в употреблении на «карманах» линии. Она пригодится при кровле крыши двора дома, как закрепляющий материал. Куртку одел коричневую, старую, но по погоде сойдет. На голову натянул шапку из нутрии. мех на ней местами облез, а оставшийся торчит во все стороны. Но на улице по – весеннему ярко свети солнце, и если надеть новую черную кроличью, она будет выгорать. На ноги натянул сапоги на фланелевой подкладке. Они литые, модные. И воды не боятся и теплые. А это важно. В деревне иногда приходится по часу дожидаться общественный транспорт. Да и по грязной дороге лучше идти в сапогах.

Один из поселковых автобусов шел в Нифантово, а другой – до центра. Оба заходили на автовокзал. Я влез в первый, он отправлялся на пять минут раньше. Пробыл талон и протиснулся к окну. Люди продолжали прибывать. Ага, показалось знакомое лицо. Татьяна Юрченко. Она в зимнем пальто из пса, в такой же шапке. Вслед за ней – Галина Ивановна Смирнова секретарь – машинистка редакции. Я хотел поздороваться, но потом раздумал, они слишком были заняты своим разговором. Как я ушел из редакции, почему-то сложились у меня холодные отношения с бывшими коллегами, хотя проработал там несколько лет. Был в разное время корреспондентом, заведующим сельхоз и промышленным отделом и штатным фотографом и даже девять месяцев – директором типографии. Но ушел и как отрезали. Первое время Николай Андреевич Беляев и Владимир Николаевич Протопопов при встрече и не здоровались. Пройдут мимо и головой на приветствие не кивнут. Как будто и не трудились в одном здании, но в разных кабинетах. А новая напористая сотрудница Екатерина Марова как-то при встрече мне сказала: «А был ли мальчик...». Старался не обижаться.

При входе в автовокзал я встретил бывшего бригадира Пестовской бригады совхоза «Чернеевский» Михаила Чекмарева. Он на пенсии, но подрабатывает на железнодорожной товарной станции. Дежурит сутки через трою. Я поздоровался и спросил:

– Билеты-то дают?

– Дают, дают. Иди бери.

Очередь порядочная, можно сказать большая. Спросил: «Кто крайний?» Оказалась молодая девушка в белой шапочке, из-под которой торчали кудряшки. Встал за ней. Очередь продвинулась быстро и кассирша выдала билет с тридцать четвертым местом. Подошел к Чекмареву, который в это время на скамейке разговаривал с Раисой Ивановной Ульяновой, заведующей чернеевским клубом. Росточка она не больше метра двадцати. И потому жители деревни ласково называют ее «Рая маленькая».

– Здравствуйте, Раиса Ивановна! Не как в гости или из гостей?

– В гости, в гости! Вон сколько котомок, – отодвигая в сторону две сумки, – говорит она. – В Череповец поехала, к дочери.

Сел на освободившееся место, а они продолжили разговор, прерванный моим приходом.

– В Чебсаре-то опять шуму много было, – это Раиса Ивановна. И глаза ее округлились. – Не слышали?

– А что такое?

– Да говорят, в клубе поножовщина была. Одного мужика насмерть, а другой – в больнице. Что-то не поделили местные с шабашниками – молдованами, а те с ножами оказались...

КАПИТАЛКА

В поселке снега нет. С утра легкий морозец. На работу пошел в пальто, сапогах и шляпе. Смешно. С сегодняшнего дня начинается капиталка на первой линии. Порядок выполняемых работ будет обсужден в красном уголке цеха. С утра надо быть там. Но пока переодевались пропикало восемь часов. В мастерскую вошел механик гидравликов Володя Рямзин.

– Вы идете на собрание?

– Сейчас идем, – говорит Сергей Лукин.

– Так вы уже опаздываете.

– И вы иногда опаздываете, – смеется Курочкин. – Да мы не предъявляем вам претензий...

Он еще переодевается. Рямзин промолчал. Ничего не ответил, зная, что с Курочкиным тягаться в словесной перепалке трудно – себе дороже.

Поднялись на второй этаж в красный уголок. Там половина стульев была занята. С приходом нашей бригады свободных мест стало еще меньше. Лицом к ремонтникам за столом сидят главный механик Зубов и экономист цеха Маргарита Васильевна Кузнецова. Она с интересом смотрит на присутствующих. Или своим видом показывает интерес.

– Так, еще у нас сушильщиков нет, – говорит главный механик. – Где бригада Киренкова?

– Перспективные задерживаются, – острит электросварщик Сергей Павлов. Он бывший «химик». Отбывал в Шексне полученный срок за какие-то небольшие провинности и осел здесь. Женился. Тогда многие «химики» обзаводились семьями и трудились на благо страны.

Когда все были в сборе, главный механик распределил работу между отделениями. И пожелал всем успешно провести капитальный ремонт.

ОБМАНЩИК

Проснулся в шесть часов. Рано. Наверное потому, что стрелки часов перевели на час назад. Изменилось время. Лежал до половины седьмого. Нежился. Сегодня первый рабочий день после отпуска. Одел новую спецовку – муха не сидела. Отдохнул хорошо, поэтому на завод шел с желанием. На улице осень, но еще сравнительно тепло.

Курочкин опередил меня. Поздоровались. Я спросил:

– Ночью вызывали?

– Вызывали. Но не пошел. Что толку-то. Вчера поставили головку. Она постояла два часа. И снова подшипник полетел.

Бригадир стал заполнять табель. Сегодня его надо сдать. Спрашивает:

– У тебя как отпуск? Двадцать третьего закончился?

– Да, – говорю, – И на неделю брал отгулы. У тебя подписывал.

– Правильно. Я вспомнил. А у Лукина как? – Задает он снова вопрос, явно мне.

– Не знаю. У него сегодня отпуск закончился, да, наверное, брал отгулы.

И тут заходит Лукин.

– Вот, – указываю, – лёгок на помине.

– Вспомни заразу – появится сразу, – вскидывая глаза на Сергея, шутит бригадир и добавляет. – Обманщик, а говорил, детей не с кем оставить.

– Да, думаю, надо выйти. Чего уж тут...

Слесарная мастерская наполняется народом. Юра Петруничев, Андрюха, Петр Одочук, переведенный от гидравликов к нам в запрессовое отделение.

День как день. Сменили две головки на шлифмашине и работали на камере охлаждения плиты. Я, осматривая оборудование второй линии, увидел и удивился, что на кантователе работает гидростанция, собранная мною из разных запчастей в часы затишья. Та про которую говорили, что не будет «пахать». Но пока я был в отпуске, основная гидростанция кантователя вышла из строя и подсоединили ее. То есть моя сборка меня не подвела.

ПЕТРО

Петр Одочук сварщик, но не высокой квалификации. А у гидравликов все под давлением и сваренные швы должны быть надежными. Но нам он насвистел, что надоело ему ругаться с механиками Рязиным и Зубовым потому как он им режет правду – матку.

Он молдаванин, приехал в Шексню из западной Украины. Ему тридцать четыре года. Среднего роста. Слегка полноватый. Волосы редкие, черные. Борода еще черней и гуще. Ладони широкие, с короткими пухлыми пальцами. Он любит рассказывать про себя. О том как в юности занимался боксом, каратэ, борьбой. Много играл в футбол. И сейчас по утрам делает физзарядку.

И мол, может ладонью разрубить кирпич. А мужики перемигнулись и подзадоривают его. И он бьет по кирпичу, расшибая руку. Кирпич, естественно, не разваливается. Он трясет больной рукой, а мужики хитро улыбаются за его спиной над его простой душой.

Однажды, сидя за столом, сложив ладони в замок и растопырив локти, Петро поведал нам историю. Правда, оговорился, что ее рассказал ему один мужик и если тот врет, то и он —Петро, врет.

– Дело было так, – начал он. – Один дед семидесяти пяти лет приехал из Можайска на базар с тремя бидонами меда и стал его продавать. В первый же день к нему подошел рослый бугай, кулаки по пуду. Лицо широкое, глазки маленькие и смотрят, как колют. И в тоне приказа сказал: «Дед! Плесни-ка в ведро медку!» А тот: «Бери банку и плати». Тут у них возникла словесная перепалка. Бугай свое, а дед свое. Тогда парень сказал: «Ладно дед. Ты меня еще вспомнишь». А на третий день, когда в последнем бидоне осталось совсем немного меда, вновь нарисовался этот бугай и сказал: «Если послезавтра ты не положишь на камень, что у тебя во дворе, шестьдесят тысяч, мы уничтожим тебя и твою родню». Угроза подействовала. Дед собрал все свои и сбережения односельчан. И в назначенный срок его старуха с осторожностью прошла к камню и положила деньги. Еще не успела она вернуться домой как на машине подкатила орава вооруженных людей. И в это-то время в окошко чердака высунулось дуло пулемета «Максим» и раздалась очередь, затем другая. Это дед поливал свинцом из припрятанного с войны пулемета. Вся группа вооруженных бандитов была уничтожена. За ней больше месяца гонялась милиция. Старик расправился с бандюганам за десять минут. Вот так, – вставая из-за стола, закончил свой рассказ Петро.

– Очередной анекдот, – в один голос мы ему...

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Мокрый снег перешел в дождь, а к вечеру пошел ливень. Если он пройдет всю ночь, то снег полностью растает. А может это будет к лучшему. Так как выпал перед ноябрьскими праздниками на не стылую землю. Особенно это заметно в деревне. Проедет трактор или машина и за ними остается глубокая, грязная колея.

А морозец нужен крепкий, потому как прошедшие две зимы были теплыми, что и сказало на мелкой вредной живности. Раньше в нашей местности и слухом не слыхали про колорадского жука. А в прошлом и нынешнем году его было полно. Земля не промерзала и в ней свободно выживали личинки этого вредителя.

Да и по другой причине нужен земле мороз. Осенние дожди ее прибьют, прихлопают и если ее не прихватит ядреным морозцем, то весной пашня бывает тяжелой.

Ездил с дочкой в Череповец во врачебный кабинет «Косметика». Там ей платно уже в который раз «прижигали» на пятке бородавки. Прошлись по рынку и по продовольственным магазинам. Мясо свинина по десять рублей. стакан семечек – тридцать пять копеек. Они мелкие и обугленные. Продавали морской окунь холодного копчения, так за ним выстроилась страшная очередь.

Вечером по телевидению в вологодских новостях сообщили, что с первого декабря в Череповце вводятся талоны на спички, соль, крупы и т. д. на период – до конца перестройки. Ну, прямо как в предвоенные или послевоенные годы. Что это такое? Как могло так случиться, что все разом разладилось? Или наоборот – налаживается? Может такой период нужен для того, чтобы заставить людей работать? Не будет ничего в магазинах – возрастет покупательский спрос и он потянет за собой необходимость выпускать больше товаров?

Ну ладно с продовольствием плохо, и раньше бывало туго, но телевизоры, холодильники, продавались свободно. Сейчас и этого нет. Куда все делось?

Действительно, в нас еще спит, пожалуй, расчетливый предприниматель. Ведь если нет ничего, тогда, торгуй и зарабатывай деньги. Картошка – вон какая дорогая. Уже сейчас, говорят, доходила до двух рублей за килограмм. Расти, вези и продавай. Но кто в моем семействе будет торговать? И на чем везти? И потом, этим делом надо заниматься постоянно. А это значит надо быть свободным от основной работы. Но кто захочет бросить эту основную работу? Для меня она, пока что надежный источник существования.

И все же ростки предпринимательства зарождаются. Где? В школе! Но каким образом? Дочка сказала, что там торгуют ученики сигаретами по штучно. Теперь вся «школа» курит. Мы предупредили ее и сына, чтобы никакого курения и продажи сигарет. Дочь выложила перед родительскими очами Почетную грамоту. Она заняла второе место в районной олимпиаде по математике. Это уже второй год подряд. «Почему не первое?» – спросил я.

– А второе лучше, – объясняет она. – Не надо ехать на областную олимпиаду. Вон в прошлом году Мозговая заняла первое место в районной, а нынче и в пятерку сильнейших не попала.

– И то правда, – подумал я. – Стабильность лучше, чем одинокое попадание в цель...

ПОКЕР.

Что такое покер? Так у нас называется игра в домино. Играем в перерыве на обед или во время чаепития, так чтобы не увидело начальство.

Что из себя игра представляет? Доминушки берутся не все. Выкидываются пять из них: 0:2, 0:3, 0:4, 0:5 и 0:0. Покер – это дупель – 1:1, полупокер – 0:1. Затем идут козыри: 6:6, 6:5, 6:4, 6:3, 6:2, 6:1, 6:0.

Правила таковы, что покер может «бить» любую «карту», любой «козырь». Когда он на руках, игрок имеет право «ударить» им в любое выгодное время и даже «скинуться», то

есть «сбросить» его как ненужную «карту». Этого не возможно сделать, если на руках имеются кроме покера, другие «козыри». Например, если предыдущий игрок зашел по пятерке (1:5), а у тебя её нет, то ты должен бить «козырем». Особый эффект получается, когда покер «ловит» полупокер. И если это делается неожиданно, то за столом выплескивается масса эмоций. Соперники задевают друг у друга все струны души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.